

Чэн Сужоу приказала доверенным людям под покровом ночи разузнать подноготную княжны Аньнин, а в душе ее тем временем точил страх, и она тайком благодарила небеса за то, что послушала предупреждение Ши Яо.

Сама она раньше относилась к искусству наведения порчи скептически, лишь слышала, что практикующие Дао мастера обладают великой силой и способны лишить человека жизни незримым образом.

Если бы в этот раз в дело и впрямь замешался какой-нибудь злонамеренный даос из еретических сект, ее судьба оказалась бы незавидной.

Подумав об этом, Чэн Сужоу преисполчилась благодарности и отобрала в сокровищнице отрезки узорного шелка и парчи, а также нефриты бараньего жира, чтобы отблагодарить Ши Яо за милость.

Глядя на эти роскошные изделия из золота и самоцветов, Ши Яо не выказала на лице и тени эмоций и лишь небрежно велела служанке положить их на стол.

Кончиками пальцев она зажала маленького персикового человечка и пристально всмотрелась: вокруг деревянной фигурки вилась едва заметная полоска темной ци, источающая пронзительный холод.

Эта зловещая ци была взлелеяна колдуном на злой воле и предназначалась специально для того, чтобы подтачивать жизненные силы человека.

Ши Яо легко щелкнула пальцем, и легкий светящийся луч вырвался с ее кончиков, скользнув по деревянному человечку, — после чего темная ци растаяла, словно снег под весенним солнцем, и исчезла без следа.

Она вернула фигурку Чэн Сужоу и спокойно произнесла:

— Госпожа, можете успокоиться: злые чары с этой вещи сняты, и впредь она не причинит вам никакого вреда.

Как только скверна с персикового человечка рассеялась, тягостное ощущение отхлынуло от всех суставов и костей Чэн Сужоу. В тот же миг в голове у нее прояснилось, а глаза словно стали ярче.

В сердце женщины шевельнулся испуг: эта Ши Яо — отнюдь не обыкновенная женщина, раз владеет столь чудесными способностями. Если удастся завязать с ней хорошую дружбу, в столице у нее появится надежный щит для защиты собственной жизни.

Чэн Сужоу только было открыла рот, собираясь произнести несколько вежливых слов благодарности, как вдруг во рту у нее почудился сладковатый привкус, и к горлу подступила

горячая волна. В тот же миг грудь словно сжало невидимой рукой, дыхание мгновенно оборвалось, и в легкие не поступало ни капли воздуха.

Ее лицо с пугающей быстротой посинело, губы стремительно онемели и приобрели багрово-лиловый оттенок, а на дне глаз проступил смутный налет смерти.

Стоявшая позади служанка, заметив это, испуганно пронзительно закричала:

— Госпожа, госпожа, что с вами?

Она в панике бросилась вперед и едва успела поддержать теряющую сознание Чэн Сужоу, видя, что та делает больше выдохов, чем вдохов.

На улице Цинлун, внутри роскошной резиденции с позолоченными звериными кольцами на ярко-красных воротах, находилась княжна Аньнин — в парадном наряде, с заколкой-фениксом, косо вколотой в прическу, и волочащимся по земле шелковым платьем.

Она смотрела на стоявшего у ступенек старого даоса с распущенными волосами, который держал меч и вычерчивал ногами защитные круги, и в ее голосе звучала давящая спешка:

— Этот ритуальный обряд даочжана и впрямь способен забрать у той женщины жизнь?

Этот старый даос был странствующим мастером, которого княжна разыскала нарочно, чтобы лишить жизни Чэн Сужоу и утолить затаенное желание в своем сердце.

Если говорить о корнях этой беды, то они были неотделимы от помощника министра Сяо Чжюаня.

В молодости Сяо Чжюань слыл известным в столице утонченным юношей с лицом из яшмы и мягкими, изысканными манерами.

Теперь же, разменяв пятый десяток и занимая должность помощника министра, он не растерял своего бывшего очарования от ударов времени — напротив, приобрел солидную выучку и превзошел годы своей юности.

Десятки лет состоя в браке, он имел в доме лишь законную жену Чэн Сужоу — не говоря уже о наложницах, у него даже служанок для постели никогда не было.

Сколько же столичных жен и благородных девиц, поминая госпожу Сяо, не таили зависти, говоря, что она заслужила великое счастье за несколько жизней.

Кто бы мог подумать, что княжна Аньнин, приехавшая в столицу после развода, увидела Сяо Чжюаня на каком-то пиру и влюбилась с первого взгляда.

Как говорится, любовные долги трудно вернуть, а дурные связи сложно распутать.

И хотя Сяо Чжюань от начала и до конца не подал княжне ни малейшего повода, эта беда свалилась на его голову совершенно на пустом месте.

Обыватели лишь твердят, что красота губит людей, но не ведают, что в этом мире мужская привлекательность тоже способна приносить несчастья.

Беспричинная безумная страсть в конце концов обернулась тем, что никогда не искавшая ссор с людьми Чэн Сужоу вынуждена расплачиваться за эту незаслуженную беду.

Движения старого даоса, чертившего шаги по звездам, замерли, и деревянный меч вернулся в ножны. Он слегка прикрыл глаза, складывая пальцы для заклинания и подсчитывая в уме, и лишь спустя долгое время медленно открыл их, отвечивая поклон княжне Аньнин:

— Отвечаю княжне: жизненный путь этой женщины прервался, и в этот миг она, судя по всему, уже отправилась в желтые источники.

Княжна Аньнин услышала это, и на ее лице проступила холодная, отстраненная улыбка:

— Раз так, то и хорошо.

Она подняла взгляд на затянутое полуденным солнцем небо — зной стоял невыносимый, раскаляя до блеска утукские деревья во дворе:

— Такой человек, как помощник министра Сяо, изначально не должен быть опутан обыкновенной бабой. Впредь со мной...

Дальнейшие слова прозвучали тише комариного писка, и разобрать их было почти невозможно. На лице Аньнин расцвела улыбка, а в глазах затаился неукротимый расчет.

Тем временем Ши Яо смотрела на потемневшее лицо Чэн Сужоу, у которой почти не осталось человеческого облика, а черты словно замазало черным туманом, так что их нельзя было толком разглядеть.

Воздух в комнате беспричинно загустел, и вокруг поползли зловещие, ледяные потоки.

Вскоре из пустоты медленно материализовалась фигура: появился посланник Преисподней в черном коротком костюме, украшенном узором из синелицых демонов. Лицо его было бледно-синюшным, а губы — цвета крови.

В руке он сжимал черную железную цепь, на которой зловеще блестел холодный металл, а звенья при столкновении издавали дребезжащий звон.

Посланник Преисподней бросил взгляд на Чэн Сужоу, и без лишних движений цепь, словно живое существо, выметнулась вперед и вмиг оплела ее душу, выдергивая бестелесный дух из плотской оболочки.

— Стоять, верни обратно!

Громкий и холодный окрик раздался внезапно — это Ши Яо преградила путь.

Посланник услышал окрик, повернулся, и его мертвенно-серые глаза упали на Ши Яо с некоторым удивлением:

— Ты и впрямь видишь меня?

Внутри путы из цепи душа Чэн Сужоу трепетала; услышав голос Ши Яо, она ухватилась за него, словно за соломинку, и взмолилась:

— Госпожа Ши, спасите меня!

Стоявшая рядом служанка, поддерживавшая Чэн Сужоу, к тому моменту уже лишилась чувств от страха. Она дрожащими руками протянула ладонь к носу госпожи, но, коснувшись холодной кожи и не ощутив ни малейшего дыхания, издала пронзительный визг.

Испустив крик, она замертво рухнула на пол, забыв даже плакать и не зная, что делать дальше.

— Я велела тебе вернуть ее на место, — не глядя на служанку, произнесла Ши Яо, не сводя глаз с посланника Преисподней. Голос ее звучал леденяще.

Посланник презрительно усмехнулся, тряхнув железной цепью, так что во все стороны брызнули холодные искры:

— Женщина, даже если ты открыла глаза Преисподней и способна видеть служителей загробного мира, что с того? Рождение, старость, болезнь и смерть подчинены небесному закону — разве позволено тебе вмешиваться?

Ши Яо равнодушно скользнула по нему взглядом и с полуулыбкой произнесла:

— Сяо Лю, сменив оболочку, ты даже меня перестал узнавать?

Посланник Преисподней по имени Сяо Лю замер при этих словах, улыбка мгновенно сошла с его лица, и он принялся озадаченно разглядывать Ши Яо с головы до ног.

Разглядев в глубине ее души слабо мерцающий алый знак, он задрожал всем телом и испуганно воскликнул:

— Ба... бабушка?!

Железная цепь выскользнула из его рук и брякнулась о землю. Сяо Лю принялся остервенело стучать лбом о пол, без остановки вымаливая пощаду:

— Прошу бабушку провить милосердие! Ничтожный слепец не признал ваше благородие и дерзнул совершить глупость.

Джажа дрожащими руками он принялся расстегивать замок на цепи, долго возираваясь с механизмами, пока наконец не освободил путы души.

Душа Чэн Сужоу обрела свободу и, подобно подхваченному ветром пуху тополиного цвета, легко скользнула обратно к телу. Едва она вошла внутрь, как синюшный оттенок на лице упавшей женщины чуть порозовел, а грудь вновь начала легонько вздыматься.

Сяо Лю стоял на коленях, не смея поднять головы, и лишь краем глаза исподлобья косился на Ши Яо:

— Бабушка, ничтожный ведь действовал по предписанию Преисподней, я вовсе не собирался идти против вас.

Ши Яо сидела на кушетке, искоса поглядывая на распростертого у ног Сяо Лю:

— Раз это предписание Преисподней, неужто в нем значилось, что земной срок Чэн Сужоу иссяк именно сегодня?

Тот вжался в плечи и забормотал:

— Это... должно быть, кто-то подделал страницы Книги Жизни и Смерти, а ничтожный ничего не ведал и оказался обманут.

<http://bllate.org/book/19421/1901967>